

МРНТИ 03.20.00

«Доклад о боевых действиях оперативной группы в Казахстане в марте, апреле и мае 1930 года», как исторический источник

Турганбек К. Алланиязов

Жезказганский университет имени О.А. Байконурова, Жезказган, Казахстан

E-mail: Klio56@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6761-1525>

DOI: 10.32523/2616-7255-2022-141-4-7-21

Аннотация. В статье анализируется «Доклад о боевых действиях оперативной группы в Казахстане в марте, апреле и мае 1930 года», отложившийся в Архиве Президента Республики Казахстан (АПРК). Документ относится к середине 1930 года и касается непосредственно событий, происходивших в Кустанайском и Кызылординском округах Казахстана – вооруженным восстаниям казахских шаруа против политики сельскохозяйственных кампаний и насильственной коллективизации. К целям и задачам исследования можно отнести прежде всего уяснение значимости выбранного автором источника для обогащения представлений о процессах и явлениях, имевших место в Советском Казахстане в конце 1920-х – начале 1930-х годов. Кроме того, выявляются условия создания «Доклада...», в котором характеризуются причинно-следственные связи возникновения и развития вооруженных выступлений на территории Кустанайского и Кызыл-Ординского округов. Материалы источника показывают уровень знания его авторов о подоплеке событий и их направленности и позволяют всесторонне и объективно оценить и определить деятельность конкретных частей и подразделений РККА, дивизионов ВОГПУ, их место и роль в подавлении вооруженных выступлений на территории Кустанайского и Кызыл-Ординского округов.

Ключевые слова: исторический источник; РККА; вооруженные восстания; боевые действия.

Received 27.07. 2022. Revised 01.08.2022. Accepted 15.09. 2022. Available online 30.12.2022.

For citation:

Allaniyazov T.K. «Report on the combat operations of the task force in Kazakhstan in March, April and May 1930» as a historical source // Bulletin of the L.N. Gumilyov ENU. Historical sciences. Philosophy. Religion Series. 2022. – Vol. 141. – No. 4. – P. 7-21. DOI: 10.32523/2616-7255-2022-141-4-7-21.

Для цитирования:

Алланиязов Т.К. «Доклад о боевых действиях оперативной группы в Казахстане в марте, апреле и мае 1930 года», как исторический источник // Вестник ЕНУ им. Л.Н. Гумилева Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение. – 2022. – Т. 141. – №. 4. – С. 7-21. DOI: 10.32523/2616-7255-2022-141-4-7-21.

Введение

Актуальность обращения к «Докладу о боевых действиях оперативной группы в Казахстане в марте, апреле и мае 1930 года» продиктована следующими обстоятельствами. Во-первых, это обусловлено его источниковедческой значимостью для разработки истории вооруженных восстаний в свете тех задач, которые поставлены в рамках Госкомиссии по реабилитации участников этих событий подвергшихся репрессиям. Во-вторых, необходимостью нового прочтения страниц отечественной истории связанных с трагическими по своим последствиям актами вооруженного сопротивления казахских шаруа насильственной коллективизации. В-третьих, источниковедческий анализ «Доклада...» позволит определить его место и роль в корпусе источников по истории вооруженных восстаний на территории Кустанайского и Кзыл-Ординского округов. Все это и обуславливает задачу источниковедческого анализа рассматриваемого документа.

К тексту «Доклада...» обращались отечественные историки Т. Омарбеков, К. Алдажуманов, Т.Алланиязов и А.Таукенов, которые широко использовали ряд содержащихся в нем сведений для реконструкции боевых действий частей и подразделений 8-й кавалерийской дивизии Приволжского военного округа задействованных в вооруженном подавлении повстанческих отрядов, действовавших на территории Иргизского и Кзыл-Ординского округов. (Омарбеков, 1994:130-189; Алдажуманов, 1998:66-92, Алланиязов, Таукенов, 2009: 288-308). Это наглядно свидетельствует о роли и значении «Доклада...» занимающего ключевое место в корпусе источников по истории вооруженных восстаний 1929-1931 годов.

Содержательная новизна статьи определяется, во-первых, тем, что в ней представлена характеристика информационного потенциала рассматриваемого документа, позволяющего глубже раскрыть ту роль, которую сыграли части и подразделения РККА в подавлении вооруженных восстаний 1929-1931 годов в Советском Казахстане, во-вторых, в выяв-

лении подходов авторов документа к оценке причин вооруженных выступлений, а также характера, содержания и результатов боевых действий, развернувшихся между частями РККА и повстанческими отрядами.

Материалы и методы

Материалом для данного исследования послужил выявленный в АП РК, в фонде 141, описи 1, дело 2953 документ под названием «Доклад о боевых действиях оперативной группы в Казахстане в марте, апреле и мае 1930 года» и не опубликованный до настоящего времени. В статье применены методы системного анализа и классификации документальных источников, внешней и внутренней критики, в том числе атрибуции, датировки и верификации источника, а также компаративистский.

Обсуждение

Изучаемый документ в отечественной литературе использовался лишь как источник, содержащий определенные сведения по истории повстанческого движения в Иргизе и Приаральских Каракумах. В качестве объекта источниковедческого анализа, как показывает историография истории вооруженных восстаний в Казахстане, документ не рассматривался.

Результаты

Давая внешнюю характеристику документу, отложившемуся в АП РК (Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л.Л. 38-76), отметим, что он был создан в штабе 8-й дивизии Приволжского военного округа, располагавшемся в г. Оренбурге и датирован 10 июня 1931 года. В верхнем углу на первой странице имеется соответствующий штамп. Документ адресован Реввоенсовету ПриВО, копия: инспектору Кавалерии РККА и ответсекретарю Казкрайкома. Следует отметить, что «Доклад...» создан в двух редакциях – первая редакция на 27 страницах машинописного текста адресована начальнику

политуправления ПриВО, вторая редакция на 38 страницах машинописи адресована непосредственно РВС ПриВО. К «Докладу...» приложены 8 документов – приказы, боезаписки, особые указания, сведения о потерях и др. (АП РК. Ф. 141. Оп.1. Д. 2953. Л.Л. 77-82). Вторая редакция и является объектом настоящего источноведческого анализа.

«Доклад...», по всей видимости, создавался оперативным отделом штаба дивизии при непосредственном участии Евсеева на основе широкого круга различных документов и материалов – докладов партийных работников районного и окружного уровня; устной информации, представленной Джангильдиным Евсееву по вопросу истории восстания 1916 года; оперразведсводок, докладных записок структурных подразделений ПП ОГПУ в Казахстане; отчетов и боезаписок командиров частей и подразделений дивизии – Петина, Сидельникова, Семенчука, Юльского; оперативных приказов командира дивизии – Евсеева, начальника штаба дивизии Журавлева, замначальника политотдела дивизии Шматова, начальника 2-го отделения штаба дивизии Василевского; приказов командующего войсками округа Базилевича и члена РВСО Дуганова. «Доклад о боевых действиях оперативной группы в Казахстане в марте, апреле и мае 1930 года» подписан Евсеевым, Шматовым, Журавлевым.

Это дает основание считать, что «Доклад о боевых действиях оперативной группы в Казахстане в марте, апреле и мае 1930 года» по виду принадлежит к отчетной документации и носит информационно-аналитический характер, по процедуре формирования относится к вторичным документам.

Внутренняя характеристика «Доклада...» дает возможность определить его структуру, свидетельствующую о широком спектре вопросов, затронутых составителями документа. Назовем ключевые разделы «Доклада...» и их объемы: 1. «Общая обстановка» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л.Л. 38-39). 2. «Социальные корни и причины антисоветского движения в Казахстане» (АПРК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л.Л. 39-42). 3. «Обстановка в районе Домба-

ровка-Карабутак-Иргиз в начале марта». (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л.Л. 42-44). 4. «Обстановка в районе действий Особой оперативной группы к 15 марта» (АП РК. Ф.141. Оп.1. Д.2953. Л.Л.44-45). 5. «Характеристика Иргизского района» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л.Л. 45-47). 6. «Кара-Кумская операция» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л.Л. 48-49). 7. «Претворение в жизнь решения Командующего группы» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л.Л. 49-50). 8. «Бои с бандой в Кара-Кумах» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л.Л. 50-51). 9. «Мирные переговоры» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л.Л. 51-57). 10. «Политико-моральное состояние действующих отрядов». 10.1. «Части 8-й кавалерийской дивизии» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л.Л. 57-61). 10.2. «Национальный казахский эскадрон» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л.Л. 61). 10.3. «62-й дивизион ВОГПУ» (АП РК. Ф. 141. Оп.1. Д. 2953. Л.Л. 61-62). 10.4. «Коммунистические отряды» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л. 63). 11. «Обеспечение действующих частей» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л.Л. 63-64). 12. «Обеспечение снабжения операции в Кара-Кумах» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л.Л. 66-69). 13. «Санитарно-ветеринарное обслуживание лошадей и людей» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л.Л. 69-72). 14. «Выводы по использованию [техники]» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л.Л. 73-74). 15. «Особое замечание» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л.Л. 75-76).

Как видно из названий разделов «Доклада...» текст документа свидетельствует о стремлении его составителей, во-первых, показать политико-экономический, социальный, этнический, культурно-исторический, природно-климатический характер районов, на территории которых проходили военные операции. Во-вторых, осветить военно-организационную и военно-техническую стороны проводимых военных операций. В-третьих, раскрыть характер, содержание и результаты боевых действий частей и подразделений Особой группы с повстанческими отрядами. В-четвертых, акцентировать внимание на таком явлении как мирные переговоры правительственной делегации с руководителями повстанческих отрядов. В-пятых, раскрыть

политико-моральное состояние отрядов сил подавления. В-шестых, охарактеризовать вопросы материально-технического снабжения войск и санитарно-ветеринарного обслуживания людского и конского составов. В-седьмых, сформулировать выводы по использованию транспорта, авиации, средств связи и вооружения в ходе военных действий. И последнее – предложить меры, направленные на укрепление военно-политического положения в Казахстане.

Таким образом, представленная структура документа свидетельствует о ее продуманности, логической последовательности, целостности и завершенности. Это дает основание считать, что его составители, по всей видимости штабные работники, обладали достаточно высокой для того времени квалификацией, способностями к анализу и широким обобщениям, навыками составления информационно-аналитических записок. Об этом косвенно можно судить и по тому факту, что текст «Доклада...» являл собой развернутую и существенным образом дополненную, версию докладной записки, которая за подписями командующего ПриВО Базилевича и члена РВС округа Дуганова 18 апреля 1930 года была представлена Председателю РВС Союза ССР Ворошилову (РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 99. Докладная записка Дуганова и Базилевича на имя нарком военмора Ворошилова Л.Л. 67-71 об.). Анализ содержания указанной докладной записки, ее сравнение с текстом «Доклада...» дает основание утверждать, что в ней, с учетом адресата, наблюдается более высокая степень обобщения материала, поданного в лаконичной и схематичной формах.

Вместе с тем, следует отметить, что текст «Доклада...» имеет элемент субъективизма. Штабные работники, будучи членами ВКП(б) либо беспартийными, но предельно обработанными за годы службы в Красной Армии в просоветском духе, явления и факты рассматривали и анализировали сквозь призму идеологических постулатов большевизма. К тому же на них влияли и критерии оценок людей, событий и явлений, содержащихся в операзведсводках структурных подразделе-

ний ОГПУ, в которых преобладали такие характеристики как «антисоветский», «контрреволюционный», «бандитский» и т.п. Однако, как нам представляется, все это не мешало составителям «Доклада...» адекватно и без иллюзий оценивать объективную реальность.

Обратимся к первому разделу «Доклада...», который являет собой сжатую и вместе с тем предельно насыщенную картину, характеризующую сложную политическую обстановку в ряде районов Советского Казахстана. Так, было отмечено, что «на почве извращения политики партии в вопросах национальной политики, коллективизации, заготовительных кампаний, религии..., в Казахской АССР еще осенью 1929 года имели место случаи массового движения и недовольства. Батпакаринское и Сузакское восстания, ликвидированные исключительно применением войск, являлись грозными показателями состояния казахского аула» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л. 38). В разделе звучит мысль о том, что повстанческое движение, развернувшееся в семи округах и одной области Советского Казахстана, будучи возглавленное баями и ишанами ставило своей целью «свержение Советской власти и образование ханства в Казахстане» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л. 38). При этом подчеркивается роль духовных лиц – мул, ахунов, хазретов стоявших «во главе всех бандитских шаек», в частности Мукантая Саматова, Исатая Сатыбалдина, Джумагазы Баимбетова, Акмурзы и отмечается «формирование национальной армии «Сары-боз» (сарбазов. – Т.А.). Перечислив районы, в которых произошли вооруженные восстания, авторы делают вывод, что «движение в Казахстане, несомненно, является одним из звеньев общей цепи», представленной авторами в виде «похода папы Римского», «провокационных выступлений в ряде стран», «похищения генерала Кутепова», попыток «покушений на Советских представителей в Варшаве и Львове», «кулацких выступлений, ряда заговоров, вредительства, ... ясно указывавшие на подлинную связь их с внешней антисоветской кампанией». Из чего следует весьма характерное умозаключение: движение в Казахстане в отличие от похода

папы Римского, бывшего «только агитационной организацией» являло собой «поход мулл, представленный реальными силами - Сарыбозом, то есть национальной казахской армией, имевшей в своем составе по всему Казахстану 25 тысяч», но со слабым вооружением. При этом было отмечено, что в Приаральских Каракумах было сосредоточено 10 тысяч повстанцев (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л. 38).

Рассматривая социальные корни и причины антисоветского движения в Казахстане, авторы «Доклада...» обратили внимание на то, что «районы, охваченные антисоветским движением чисто национальные, казахские, с кочевым скотоводческим хозяйственным укладом, культурно отсталые с очень сильным родовым влиянием ханов, баев и мулл, с религиозным фанатизмом и национальным шовинизмом». Эти особенности «местными работниками и руководящими органами достаточно не учитывались, а в некоторых случаях прямо игнорировались, вплоть до грубейшего извращения политики партии».

Эти, в целом верные суждения, были подкреплены широким набором примеров и фактов, демонстрировавших практику форсированной коллективизации, чрезмерных и непродуманных действий местных властей по заготовке хлеба, скота и шерсти в Иргизском и Аральском районах, что «ставило население в бедственное положение», обрекало кочевников «на голодовку» и вынуждало баев «уходиться в банду» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л.Л. 39-40).

Отмечая факты административного закрытия мечетей без всякой массовой предварительной работы, авторы особо отметили тот факт, что антирелигиозная пропаганда «если и ведется, то настолько неумело, что не только не достигает своей цели, но, наоборот, усиливает религиозный фанатизм».

Администрирование, командование, запугивание подчеркивалось в «Докладе...» достигло таких размеров, что «беднота и середняки не могли отличать выходки отдельных представителей власти от старых царских чиновников». Особенно остро отреагировали авторы на наличие фактов когда «бедняк, об-

ращаясь к советскому работнику, унижается перед ним так же, как он унижался перед царским чиновником (низкие поклоны и т.п.)». Были отмечены также и конкретные факты великодержавного шовинизма в отношении коренного населения. Так, «на линии железной дороги ... нет ни одного начальника станции, кассира, дорожного мастера, и даже артельного старосты – казаха. Все административные должности заняты русскими. Казахи работают только чернорабочими. В казенных домах живут только русские». Великодержавным шовинизмом страдали и ответственные работники дорожно-транспортного отдела ОГПУ, в частности «агенты станции Аралморе Иванов и Алтушенко». Приводя ряд фактов проявления шовинизма, авторы констатировали попустительство этому со стороны заместителя ПП ОГПУ по Казахстану Альшанского. Здесь же были представлены яркие и конкретные примеры того как население «смутно и превратно», по оценке авторов, понимало сущность советской власти, партийной политики, понятий «коммунист», «колхоз», «советская власть». Все это послужило «богатым материалом муллам и националистам для антисоветской агитации, для разжигания национальных антагонизмов».

Подводя итоги своим суждениям, характеристикам и оценкам, направленным на вскрытие социальных корней и причин антисоветского движения в Казахстане авторы «Доклада...» пришли к обоснованному выводу: «ошибки, перегибы и извращения политики партии и советской власти послужили благоприятной почвой байству и духовенству для организации контрреволюционного восстания» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л. 41).

Материалы раздела дают возможность: а) увидеть, какие проблемы были в центре внимания авторов «Доклада...»; б) уяснить их представления о ситуации, сложившейся в Казахстане к 1930 году; в) рассмотреть интерпретацию военными событиями, явлений и процессов, имевших место в процессе начавшихся вооруженных выступлений.

Характеристика обстановки в районе Домбаровка-Карабутак-Иргиз в начале марта

1930 года в рассматриваемом документе была представлена посредством изложения в хронологической последовательности фактов вооруженного противостояния между повстанческими отрядами и отрядами коммунаров, с указанием их командования, численности и вооружения, районов боестолкновений, их результатов, а также описанием процесса формирования и подготовки к боевым действиям отрядов из состава 45-го кавполка 8 кавдивизии ПриВО под командованием Малика и Шафранека, маршрутов их движения и результатов боя между отрядом Малика и повстанческим отрядом во главе с А.Канаявым и М.Саматовым. Предваряя изложение процессов, развернувшихся в районах Казахстана, соседствующих с Оренбургским округом, авторы четко сформулировали свою обеспокоенность и опасения тем, что повстанческое движение с территории западных районов Казахстана может перекинуться на собственно российскую территорию, в частности Орский район Оренбургского округа. В целях недопущения этого военными был предпринят меры по укреплению гарнизонов в близлежащих населенных пунктах – Можаровке и Домбаровке (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л. 42).

Содержащийся в «Докладе...» раздел, посвященный действиям Особой оперативной группы к 15 марта 1931 года, ценен тем, что в нем представлены факты в сочетании с суждениями и выводами авторов, позволяющие увидеть характер мер и содержание действий, предпринятых военными, ПП ОГПУ в Казахстане и Казкрайкомом по нейтрализации широко развернувшегося к этому времени повстанческого движения.

Так, оценив обстановку, командование 8-й дивизии в лице Евсева пришло к выводу: «Борьба с бандитизмом в Кустанайском, Актюбинском и Кзыл-Ординском округах ведется разрозненными местными отрядами. Численность отрядов колебалась от 7 до 70 бойцов. Большое число малочисленных отрядов: Подобина, Пухтеева, Симонова, Новикова, Пуйкана, Хухарева, Озимица, Цуканова, Жалудь, 62-й дивизион ОГПУ, нацэскадрон, а

также отрядов Кармакчинского, Челкарского, Иргизского, Карабутацкого [районов] не связанных между собой, ничем не обеспеченных, живущих в большинстве своем за счет местного населения, партизански действовавших не могли гарантировать успешной и быстрой ликвидации движения» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л. 44).

Из «Доклада...» видно, что на заседании РВС ПриВО в Оренбурге, проходившем совместно с представителями Казкрайкома и ПП ОГПУ в Казахстане, Евсева назначили руководителем «операциями в Иргизском районе». Из содержания документа видны состав, вооружение и командование вновь сформированных трех боевых отрядов, которым ставилась задача «внезапными ударами с запада и севера ликвидировать банду Айжаркен хана и Саматова и банду Сатыбалдина» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л. 44). Поскольку, как показано в документе, в результате разгрома отрядом Малика повстанцев во главе с Айжаркыном и Саматовым, менялась оперативная обстановка, постольку всем задействованным отрядам была поставлена задача по ликвидации «банды Сатыбалдина». Эта задача, как показано в «Докладе...», была успешно осуществлена отрядом Сидельникова 23 марта 1930 года. При этом было отмечено, что «Отряд Сидельникова настиг банду Сатыбалдина и Тюменбая, численностью 700 конных в районе урочища Шатыртам – мечети аула №24, 100 км юго-восточнее Иргиза. Банда бой приняла. В результате сопротивление банды было сломлено. Отряд Сидельникова преследовал банду 25 км. Потери банды 242 человека убитых, 26 пленных (из них 6 раненых) ... Убит главарь банды Сатыбалдин... Остатки банды рассеялись. ... Часть бежала в пески Каракум». Таким образом, делают вывод авторы «Доклада...», «банды, оперировавшие в районе Иргиза, были ликвидированы» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л. 45).

Следующий раздел рассматриваемого документа «Характеристика Иргизского района» имеет особую ценность – в нем детально представлена характеристика повстанческих отрядов и движения в целом: имена руково-

дителей; военная организация; структура и комплектование отрядов (по родовому признаку, от семьи один всадник); вооружение (винтовки, ружья, пики, топоры); лозунги («Долой Советскую власть и коммунизм», «Свобода казахского народа», «Да здравствует ханство»), которые, по мнению авторов документа, имели «контрреволюционный характер»; атрибутика в виде знамен с изречениями из Корана; ритуалы в виде молебнов и клятв. Общая оценка повстанческого движения была представлена следующей формулировкой: «Само движение носило массовый характер и оформилось в «Сарыбоз», то есть политическую, антисоветскую, национальную военную организацию (армию) имеющую цель борьбы с Советской властью под флагом борьбы за религию (Ислам)» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л.Л. 45-46). Интересны и наблюдения военных о боевых качествах повстанцев: «Боевые действия, проходившие с 8 по 23 марта, показали, что бандиты держатся достаточно упорно, активно атакуя массами наши отряды» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л. 47).

Важным элементом раздела являются суждения о социально-классовом составе восставших, который характеризовался на примере аулов №24 и №27 следующими данными: «в банде участвовало – бедняков 66, середняков 16, батраков 7, баев 4, комсомольцев 7 и членов аулсовета 4». Соответственно из 27 аула «бедняков 82, середняков 21, баев 3, мулл 2 и 3 комсомольца».

На основе анализа этих данных был сделан промежуточный вывод – «основная масса восставших – бедняки и середняки», а байство и духовенство «явились вдохновителем, организатором, руководителем восстания». Заслуживает внимания дальнейшая логика рассуждений авторов документа, считавших, что «социальный состав банд в сильной степени отражался на их устойчивости, вызвал колебания, отколы и даже переход на нашу сторону». Из чего военные сформулировали главный и принципиальный, на наш взгляд, вывод: «социальный состав восставших, их несколоченность, неопределенность в начале организации лозунгов и т.п., давало возмож-

ность ликвидировать контрреволюционное выступление без применения вооруженной силы, при условии принятия своевременных, решительных и правильных политических и экономических мероприятий». Но, как далее показано в разделе, в условиях, когда «байство и духовенство занималось организацией банд, местные партийные и советские организации растерялись, писали сводки, в большинстве своем преувеличенные, панического порядка, требовали вооруженной силы, но каких либо мер политического и экономического порядка, направленные к тому, чтобы парализовать это движение – не принимали» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л. 46). Все эти моменты, квалифицирующие поведение властей в негативном свете, авторы записки подкрепили конкретными по существу и яркими по содержанию фактами. Поведав о том, что «в районах действия наших отрядов среди населения проводилась массовая политическая работа», в которой участвовали «комсостав и красноармейцы казахи» и которая дала определенный результат, военные особо подчеркнули, что «при условии хорошо налаженной политической работы в ауле, мы могли бы избежать контрреволюционного выступления баев».

Раздел «Каракумская операция» ценен тем, что в нем основной акцент сделан на географических характеристиках Приаральских Каракумов в контексте их оценки как театра военных действий. При этом были высказаны соображения оперативно-тактического характера: невозможность использовать большие воинские отряды в силу таких факторов, как скудость водных источников, пески, жаркий климат. Эти факторы, сопряженные с отсутствием колесного транспорта и дорог диктовали использование только гужевого транспорта (верблюдов), численность которых в караванах была также предельно ограничена. Поскольку «каждый верблюд тянул на себе 5-6 пудовый вьюк, [то] транспорт в 40-50 верблюдов обладал подвижностью, при напряжении 50 км в сутки, более многочисленный транспорт понижал скорость до 30 км». Подвижность и грузоподъемность транспортов, стесненность водой и послужили для военных отправными

данными при выработке плана очередной военной операции (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л.Л. 48-49).

Кроме того здесь были представлены и исторические факты, относящиеся к безуспешной деятельности войск царской армии, в частности Особой конной группы генерала Лаврентьева, направленных на подавление Тургайского очага восстания 1916 года, которое советскими военными квалифицировалось как «национально-освободительное движение в Казахстане».

Все это было обусловлено тем, что в Кызыл-Ординском округе, на территории которого и располагались Приаральские Каракумы, вспыхнул крупный очаг повстанческого движения. В результате, как писал Евсеев, «30 марта при моем свидании с членом ЦК партии, секретарем Казкрайкома т. Голощекиным и начальником Восточного отдела ОГПУ т. Дьяковым, последние просили меня взять на себя проведение операции и просили об этом РВСО, который 31 марта и дал мне директиву ликвидировать бандитизм в Кызыл-Ординском округе» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л. 48). Эти суждения командира 8-й кавдивизии наглядно демонстрируют механизм принятия решения о войсковой операции и свидетельствуют о том, что в вопросе вовлечения РККА в войну с собственным народом ключевую роль играли руководитель Казкрайкома ВКП(б) и начальник ВО ОГПУ. Военные в данном случае являлись всего лишь инструментом, призванным вооруженным путем решить проблему, созданную в результате близорукой политики политического руководства Казахстана.

Описанию плана войсковой операции и собственно боевых действий в Приаральских Каракумах посвящены разделы «Претворение в жизнь решения Командующего группой» и «Бои с бандой в Каракумах».

В первом случае показаны состав, командование, вооружение и цели трех войсковых колонн, куда вошли подразделения 43-го, 45-го кавалерийских полков, 62-го дивизиона войск ОГПУ, Казнацэскадрон и комотряды, которые выступили 3 и 4 апреля.

Во втором – дано описание боевых действий. Так, 2-я колонна во главе с Петиным

(полковая школа 45 кавполка и Казнацэскадрон, всего 120 сабель, 3 пулемета) 7 апреля «ввязалась в бой с бандой Лаубаева, численностью 1000 конных». В ходе 3-х часового боя стороны понесли большие потери: повстанцы потеряли «около 150-200 убитых, в том числе главари: хан Лаубаев и хан Кобланов», отряд Петина потерял «18 человек убитыми, 10 ранеными» (АПРК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л. 50). В условиях численного превосходства повстанцев отряд Петина «отошел в северо-западном направлении».

В этот же день 1-я колонна во главе с Гущиным (нацвзвод 43 кавполка, 62 дивизион и комотряд, всего 144 конных и 5 пулеметов) в местности Сарманходжа с 13 до 17 часов «имела бой с бандой, численностью 3000 конных». В результате рукопашной схватки «отряд Гущина закрепился в песчаных барханах, где и удерживался до исхода следующего дня 8 апреля, полагая, что отряд окружен». Хотя, «как выяснилось впоследствии, отряд находился в полукольце противника». Вместе с тем, из текста не видно каковы были дальнейшие действия отряда Гущина. Лишь отмечено, что отряд направился в район Сайкудука (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л. 50).

Как отмечается в «Докладе...» все попытки командиров колонн «к установлению связи между собой до 9 апреля не давали положительных результатов» из-за больших расстояний и отсутствия точных ориентиров по причине того, что военные пользовались 40-верстной картой. Получив сообщение о бое, командование приказало отряду Сидельникова, который находился в это время к западу, примерно в 70-90 км от места боя, «связаться с отрядом Петина и идти на выручку отряду Гущина, который доносил, что находится в окружении». Отряд Сидельникова, не имея связи с Петиним и Гущиным в 17 часов 9 апреля «вошел в соприкосновение с бандой», но «обнаружив до 3000 конных со стороны банды, правильно оценил обстановку – в бой с бандой не ввязался, а отошел в район Сайкудука, куда к тому времени подошел и отряд Гущина».

Командованием Особой оперативной группы, как отмечается в «Докладе...», «была оце-

нена необходимость при сложившейся обстановке действовать более сильными отрядами, нежели командование располагало, к тому времени». К тому же «отряды Петина и Гущина были переутомлены, лошади едва двигались». Учитывая это обстоятельство, Евсеев затребовал из Оренбурга «отряд 1-й бригады [в] 325 сабель при 20 пулеметах, а также звено самолетов». Отряды Гущина и Сидельникова «были отведены в Тохабай, 80 километров восточнее станции Аральское море», а отряд Петина «на станцию Аральское море для приведения в порядок» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л.Л. 50-51).

Авторы «Доклада...» резюмировали, что «Каракумская операция осуществлялась по линии военно-чекистских мероприятий, по линии же политико-экономических мероприятий местные партийные и советские организации и здесь ничего не сделали» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л. 51). Тот факт, что подобные констатации вновь прозвучали в тексте документа, дает возможность увидеть соответствующую оценку военными квалификации местных партийно-советских властей, которая, как минимум, была более чем критической.

Важную ценность представляет концовка раздела, в которой была представлена характеристика «действительного положения, созданного в Каракумах» в результате «боевых столкновений наших отрядов с бандой 7-9 апреля». Ее ключевыми моментами являлись фактические данные оценочного характера о: численности хозяйств, сосредоточенных в песках – «до 5000 хозяйств с 15-16 тыс. населения»; боевой части группировки – «до 10 тысяч сарбазов»; численности районов, представители которых были сосредоточены в песках – «15 районов»; названии родов из которых происходили повстанцы – «Шомекей и Алтын»; наличии актива из остатков «разгромленных банд в Иргизе, Сузаке, Тургае»; враждебном отношении населения к военным в «районе действия наших частей» и сочувственном «к бандам»; фамилии и имени руководителей повстанцев – «Лаубаев – крупный бай, Кобланов – профессиональный конокрад, Джума-

газы – мулла, являвшийся духовным вождем всей группировки», а также Караев, сменивший убитых Лаубаева и Кобланова (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л. 51).

Ключевым элементом «Доклада...» является раздел «Мирные переговоры». Основанием для этого суждения являются то, что в нем содержатся: ценные сведения о позиции военных в лице Евсеева и комиссии РВСО («помкомвойсками т. Павлова и зам.нач. Политуправления Округа т. Осипова») осознавших политическую нецелесообразность решения массового по своему характеру восстания в Приаральских Каракумах «мерами военно-чекистского характера» и инициировавших посредством обращения в РВСО и Казкрайком создание и посылку в Каракумы «авторитетной правительственной комиссии с задачей урегулирования создавшегося там положения»; критические высказывания в адрес партийно-советских организаций и отдельных представителей органов ОГПУ не говоривших желанием решать проблему мирным путем; информация о численности, составе и вооружении отрядов сил подавления сосредоточенных по линии железной дороги, прилегающей к Каракумам; оценка сил и возможностей повстанцев; акцентирование внимания на то, что успех работы Правительственной комиссии был обусловлен наличием такого фактора как концентрация вооруженных сил, закрывших повстанцам выход из песков в культурную полосу; начало переговоров с повстанцами по инициативе председателя Кзыл-Ординского облисполкома Джунусова; ход, содержание и результаты переговоров Правительственной комиссии во главе с А. Джангильдиным с руководителями повстанцев в лице Караева и Джумагазы; содержание требований повстанцев; позиции Джумагазы на переговорах, в частности по вопросу отказа от сдачи оружия «мергенами»; ритуал клятвы повстанцев на «Коране» обязавшихся сдать свое оружие и оружие, захваченное в боях; содержание мероприятий, которые предстояло осуществить Правительственной комиссией после завершения мирных переговоров; влияние переговоров на действия повстанческих

отрядов, оперировавших в соседних районах («банда Токмурзы») добровольно сложивших оружие; критическая оценка действий Аральского РК ВКП(б), который «почти никакой разъяснительной работы о создавшемся положении в Казахстане вообще, и, в частности, в районе – не провел не только в ауле, но и в самом Аральске»; поведение личного состава войсковых подразделений, которые «в абсолютном своем большинстве не зная казахского языка, не могли вести среди населения политработу, но, все же, ... своим хорошим отношением располагали к себе казахское население, поднимали в его глазах авторитет и уважение к Красной Армии» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л.Л. 56-57).

Содержание раздела, большей частью построенного на основе информации, которую военные получали от участников переговоров и черпали из сводок структурных подразделений ОГПУ, несет на себе отпечаток официальных оценок. Но вместе с тем оно дает возможность увидеть уважительную по отношению к вчерашнему противнику позицию военных, результаты боестолкновения с которым, несмотря на несоизмеримость потерь, были не в пользу сил подавления.

Ценным для понимания различных аспектов боевых действий между войсковыми подразделениями и повстанческими отрядами, расширения представлений о фактической стороне военных маршей и боестолкновений, поведенческих практик рядового и среднего начсостава, служат сведения, сосредоточенные в разделе посвященном политико-моральному состоянию отрядов, задействованных в военных операциях.

Фактический материал, содержащийся в пункте, раскрывающем политико-моральное состояние частей 8-й кавдивизии, призван обосновать высказанное в самом начале концентрированное по своему содержанию, чеканное по форме и пафосное по характеру заявление о том, что «общее политико-моральное состояние основной массы красноармейцев и курсантов полковой школы на всем протяжении работы по ликвидации антисоветского движения в Казахстане, характери-

зовалось правильным пониманием сущности антисоветских выступлений, стремлением к скорейшей его ликвидации, преданностью и высоко-сознательным отношением к исполнению своего долга, высоким боевым призывом, смелостью и дисциплинированностью как в бою, так на марше» (АПРК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л. 57)

Здесь и упоминание о 2000 километром от Орска до Аральска марше полковой школы 45-го кавполка, и констатация стойкости в бою 7 апреля полковой школы 43-го кавполка, и описание подвига младшего командира 45-го полка, который, будучи раненым и оставленным на поле боя, проявил самопожертвование и пристрелил уже раненого Лаубаева, и характеристика деятельности радистов, и высокая оценка боевого настроения красноармейцев и командиров, и наличие «единичных случаев трусости в частях, которые в боях не участвовали, но к ним готовились» и которые «заглушались общим боевым настроем» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л. 58).

Раздел содержит и описание целого ряда отрицательных моментов, как в идеологическом, так и дисциплинарном планах. Весьма показательными здесь являются «отдельные случаи недопонимания нашей национальной политики и как следствие этого, проведение аналогии между национальной политикой нашей партии, методами подавления контрреволюционных восстаний в Казахстане и колониальной политикой и подавлением империалистами национально-освободительных движений в колониях». В качестве примера отмечено, что «эту аналогию выразили старшина эскадрона 43-го кавполка Поляков и ответорганизатор ВЛКСМ 43-го кавполка Швецов, но отразили не только свое понимание и настроение, такое непонимание существовало у многих красноармейцев и даже начсостава».

В числе фактов нарушения дисциплины в разделе отмечены: «сон на постах, в полевых караулах и на ночных маршах», «безответственное отношение к оружию и снаряжению», «пререкания [красноармейцев] с младшим начсоставом, не повторение приказа, обращения на ты», «случаи несоблюдения

военной тишины при движении в эшелонах и на месте расположения частей». При этом по каждому факту были приведены конкретные примеры и подчеркнута необходимость их «строгого учета в нашей работе по воспитанию бойца».

Характеризуя политико-моральное состояние переменного состава (аналог современных резервистов. – Т.А.), входивших в отряды сил подавления, авторы цитируют Гущина, который в своем отзыве отмечал, что «взвод переменного состава своей дисциплинированностью, примерностью, в поведении как на марше, в бою, на месте расположения во внутреннем распорядке, в несении полевой караульной службы, так и во взаимоотношениях с населением оказал здоровое давление на дивизион ВОГПУ (совместно действовавший со взводом)» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л. 59).

В оценках моральных и боевых качеств старшего и среднего начсостава превалируют сугубо положительные характеристики: «вполне крепкие», «устойчивые», «самоотверженные в действии», «преданные делу партии и советской власти», правильно «понимающие политику партии и классовую сущность контрреволюционного выступления», «умеющие руководить и вести за собой красноармейскую массу», «умело управлявшие подразделением», «проявляли образцы мужества, стойкости и личной храбрости», «достаточно заботливые о красноармейце».

Наряду с этим были отмечены и отрицательные моменты: 1. «Мобилизационная готовность», выразившаяся в обнаружившихся во время военных действий «недостатков в обмундировании, снаряжении, оружии», в том числе неподготовленность в ряде случаев ручных и станковых пулеметов. 2. «Недооценка частью среднего начсостава всей сущности создавшегося в Казахстане (в частности в Каракумах) политической обстановки, пренебрежительное отношение к противнику, переходящее в шовинизм и, как следствие этого, шапкозакидательские настроения», которые передались и на «красноармейские массы». Здесь следует обратить внимание на следующий факт, который были вынуждены при-

знать авторы «Доклада...»: «Эта недооценка противника послужила одной из причин неудачного исхода боев отрядов Петина и Гущина». 3. Проявление некоторыми курсантами «неудовлетворенности тем, что ликвидация антисоветского движения в Казахстане разрешается мирным путем». 4. Недостаточная выносливость отдельных лиц начсостава, выразившаяся в «сонливости во время ночного марша отряда Галеева из Аральска в Тохобай». 5. Случаи халатности и безответственности в виде «оставления в тюках сена ящика с патронами в ходе выгрузки из эшелона». 6. «Недостаточная политподготовка младшего начсостава», который вследствие этого неспособен были объяснить своему отделению «происходящие политические события». 7. Недостаточная ориентировка командирами взводов младшего начсостава об «оперативной и политической обстановке» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л. 60).

Все эти суждения и наблюдения, подкрепленные фактами, представляют собой ценный материал дающий возможность увидеть не только достижения и просчеты в боевой и политической подготовке частей и подразделений 8-й кавдивизии, но и расширить представления об отдельных аспектах повседневного военного быта участников боевых действий в процессе силового подавления повстанческого движения в Каракумах.

При характеристике личного состава Казнацэскадрона авторы «Доклада...» пользовались такими оценками, как «отличный», «исключительно преданный», «сознательно относящийся к своей работе», иллюстрируя «высокие боевые качества» и «личную храбрость» красноармейцев и начсостава конкретными фактами. Среди недостатков отмечены «отсутствие единства среди начсостава», «случаи неправильного использования и присвоения трофейного имущества». Кроме того, высказаны суждения о перспективах расширения процесса формирования казахских национальных частей (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л. 61).

Авторы «Доклада...» уделили значительное внимание 62-му дивизиону ВОГПУ и ряду

сотрудников ПП ОГПУ. Наряду с констатацией безупречных, высоких боевых качеств основной массы красноармейцев, отмечалось, что дивизион «отличается от всех частей своей распушенностью, невоспитанностью», приводились факты, свидетельствующие о: трусости командира отделения Чечина; обнаружения у части красноармейцев «золотых и серебряных монет с дырками, что свидетельствует об их принадлежности к украшениям восточных женщин» и было оценено как «барахольство»; недовольстве командира взвода Булына тем, что его не представили к награде орденом «Красной Звезды»; пьянстве и слабой дисциплине ряда представителей начсостава дивизиона. Последнее авторы «Доклада...» объясняли «попустительством со стороны [сотрудников] органов ОГПУ», которые, как, например, Бутин, Егоров к тому же демонстрировали пьянство, развязное поведение, конфликты с начсоставом частей 8-й кавдивизии. Поведение лиц начсостава и отдельных работников ОГПУ объяснялось «слабой постановкой воспитательной работы» и к тому же «сильно сказывалось на красноармейцах дивизиона». (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л. 62).

Положительно была оценена и прибывшая в район боевых действий, но не участвовавшая в них из-за начавшихся мирных переговоров «конная горно-вьючная батарея объединенной Ленинской [военной] школы из Ташкента.

Оценив личный состав комотрядов, представлявших собой «незаменимых, исключительно стойких, самоотверженных бойцов» авторы «Доклада...» указали на то, что они «не обладали военными знаниями и боевым опытом», а в походе и на марше «выделялись своей недисциплинированностью, неряшливостью, мелкими дразгми, отсутствием заботы о коне, оружии». Так, например, «не уход за конем мотивируется тем, что „загоню одного, возьму другого“, не уход за оружием – „во время стрельбы само прочистится“».

Из «Доклада...» можно увидеть и некоторые цифры, касающиеся материального обеспечения действующих частей. Так, «на Орские формирования израсходовано денег до

16000 рублей», на расходы по Иргизской операции Актюбинский окрисполком «отпустил дивизии 13800 рублей» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л.Л. 63, 65).

Более подробно были представлены сведения, характеризующие содержание, объем, ассортимент продовольственного и фуражного обеспечения, время и пункты их доставки, виды транспорта, наличие издержек в ходе Каракумской операции (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л.Л. 66-69).

Все эти сведения являют собой ценную информацию, позволяющие увидеть малоизвестные аспекты логистической составляющей военных действий.

Особо ценными являются данные, характеризующие использование авиации, радиостанций, ручных и станковых пулеметов, ружейных и ручных гранат.

Так, применение 3-х самолетов в ходе Иргизской операции «себя не оправдало в виду того, что нет карт, расстояния огромны» и было «недостаточным, принимая во внимание обширные территории и исключительно плохую видимость» из-за туманов «над районом озер, где происходила операция». Использование самолетов в Каракумской операции, «несмотря на неоднократные просьбы командования Особой оперативной группы» не состоялось по причине отказа РВСО (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л. 73).

3 радиостанции «2 рации системы СГ (искровые) и 1 новая ламповая 23Т», которые были на вооружении отрядов сил подавления, в Каракумской операции «себя не оправдали». По причине того, что первые две были «старые, расшатанные, с неисправностями всякого рода», к тому же слабо приспособленные к приему радиogramм, посылавшихся с новой радиостанции. Между тремя радиостанциями, которые располагались на станции Аралморе (23Т), в Тохобае и Карсакпае (СГ) за «10 дней работы передано из Аралморе в Тохобай 10 радиogramм, задержано до 1 часа – 6, от 1 часа до 3-х часов – 4, от 3-х часов и более – 6, из Тохобая принято 17 радиogramм».

Пулеметы Дегтярева, в отличие от пулеметов Максима, «в условиях Каракумов часто от-

казывали при малейшем засорении мелким песком» и действовали «с большими ограничениями». Особого внимания удостоились «безотказно работавшие» пистолеты-пулеметы Томпсона как «весьма удобные в условиях Каракумов». Авторы «Доклада...» в этой связи высказали пожелание «приспособить подобный пистолет к нашему патрону».

Положительно была оценена практика использования ружейных и ручных гранат, с помощью которых отряду Петина удалось оторваться от превосходящих сил противника и спастись бегством, которое в тексте «Доклада...» было представлено в корректной форме – «выход из боя» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л. 74).

Завершающей частью «Доклада...» являются «Особые замечания» где представлены выводы и предложения военно-стратегического и политического характера: «Главному командованию необходимо учесть, что в случае войны в Средней Азии, Казахстан будет использован как арена для действий по тылам войск, действующих в Средней Азии... Необходимо обеспечить КАССР войсками, в частности вдоль железнодорожной линии. Целесообразно создать смешанные из русских и казахов территориальные конные части, которые могли бы служить прикрытием, а также силой, крайне важной для действий на Востоке. Чтобы обезопасить Среднюю Азию со стороны КАССР, нужны коренные перемены в проводимой национальной политике. ... В Казахстане нужна серьезная чистка партийных организаций, советов, хозяйственных и кооперативных организаций, чтобы все негодное удалить и укрепить руководство на местах. Беспощадно крутыми мерами нужно ликвидировать великодержавные российские обычаи. ... Если не удастся быстро и радикально решить национальный вопрос, создать серьезные кадры работников, поднять культурный, политический и экономический уровень казахского аула, мы можем еще раз, а может быть и несколько раз, иметь дело с политическими осложнениями в Казахстане не менее серьезными, чем те, ликвидацией которых мы занимались 3 месяца» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л.Л. 75-76).

Заключение

Рассмотренный нами «Доклад о боевых действиях оперативной группы в Казахстане в марте, апреле и мае 1930 года» является ценным источником информации о роли РККА в деле стабилизации политического положения в районах Казахстана, охваченных вооруженными выступлениями. Его содержание способствует: а) расширению научных представлений о характере и содержании использования частей Приволжского военного округа, войсковых подразделений ОГПУ, Казнацэскадрона и коммунистических отрядов в операциях по силовому подавлению вооруженных восстаний на территории Советского Казахстана; б) изучению различных форм и методов, которые использовались вооруженными силами в ходе боевых действий с повстанческими отрядами; в) определению содержания взглядов военных к оценке ситуации, сложившейся в Казахстане в процессе силовой модернизации казахского традиционного общества и результатов военных операций; г) углублению знаний о военно-организационной и технической стороне проводимых войсковых операций; д) показу количественных и качественных характеристик противников в лице повстанцев; е) выяснению подходов военных к содержанию мирных переговоров между Правительственной комиссией и руководителями повстанческого движения в Каракумах; ж) раскрытию выводов и предложений военных по итогам боевых действиях оперативной группы в Казахстане в марте, апреле и мае 1930 года.

Представленные качественные и количественные характеристики источниковедческого потенциала рассмотренного документа свидетельствуют о его высокой репрезентативности, многоплановости и значительной информационной содержательности. Это дает основание считать, что данный документ занимает центральное место в корпусе источников по истории восстаний казахских шаруа в Иртыше и Каракумах.

Все это диктует необходимость его публикации для широкого использования как в

целях углубленного исследования истории вооруженных восстаний в Казахстане в 1929-1931 годах, так и расширения научных представлений по широкому спектру вопросов. В том числе: место и роль «Доклада...» в корпусе исторических источников по истории вооруженных восстаний в Казахстане в 1929-1931 года; сравнительно-сопоставительный анализ

текста документа с аналогичными текстами, созданными ПП ОГПУ в Казахстане, в частности с докладной запиской «Предварительные итоги операции по ликвидации бандитизма в Мангиставском районе (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5052. Л.Л. 53-68); определение компетентности составителей документа и достоверности содержащейся в нем информации.

Список литературы

Алдажуманов К.С. Крестьянское движение сопротивления // Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. – Алматы: «Арыс», 1998. – С. 66-92.

Алланиязов Т.К., Таукенов А.С. Последний рубеж защитников номадизма. История вооруженных выступлений и повстанческих движений в Казахстане (1929-1931 годы). Алматы: ОО «OST – XXI век», 2009. – С. 288-308.

Омарбеков Т. Зобалан. – Алматы: Санат, 1994. – 225 с.

Российский Государственный архив социально-политической истории. Ф. 74. Оп. 2. Д. 99. Л.Л. 67-71 об.

Т.К. Алланиязов

Ө.А. Байқоңыров атындағы Жезқазған университетінің, Жезқазған, Қазақстан

«1930 жылғы наурыз, сәуір, мамырда Қазақстандағы тапсырыс тобының әскері соғысы туралы» тарихи дерек ретінде

Аңдатпа. Мақалада Қазақстан Республикасы Президентінің Мұрағатында (ҚХР) сақтаулы тұрған «Жедел топтың 1930 жылғы наурыз, сәуір және мамырдағы Қазақстандағы жауынгерлік іс-әрекеттері туралы есеп» талданады. Құжат 1930 жылдың ортасына сілтеме жасап, Қазақстанның Қостанай және Қызылорда уездерінде болған оқиғаларға – қазақ шаруасының егіншілік науқандары мен күштеп ұжымдастыру саясатына қарсы қарулы көтерілістеріне тікелей қатысты. Зерттеудің мақсаты мен міндеттеріне, ең алдымен, 1920 жылдардың соңы мен 1930 жылдардың басында Кеңестік Қазақстанда болған процестер мен құбылыстар туралы түсініктерді байыту үшін автор таңдаған дереккөздің маңызын түсіну жатады. Сонымен қатар, Қостанай және Қызылорда уездері аумағындағы қарулы көтерілістердің пайда болуы мен дамуының себеп-салдарлық байланыстарын сипаттайтын «Есепті...» құрудың шарттары анықталған. Бастапқы материалдар оның авторларының оқиғалардың мән-жайы мен олардың бағыты туралы білім деңгейін көрсетеді және Қызыл Армияның нақты бөлімшелері мен бөлімшелерінің, ВОГПУ бөлімшелерінің қызметін, олардың орны мен орнын жан-жақты және объективті бағалауға және анықтауға мүмкіндік береді. Қостанай және Қызылорда уездері аумағындағы қарулы көтерілістерді басудағы рөлі.

Түйін сөздер: тарихи дерек көзі; ЖШҚА; қарулы көтерілістер; әскери әрекеттер.

Т.К. Allaniyazov

O.A. Baikonurov Zhezkazgan University, Zhezkazgan, Kazakhstan

Report “on the military warfare of the task group in Kazakhstan in March, April, and May 1930” as a historical source

Abstract. The article analyzes the «Report on the military warfare of the task group in Kazakhstan in March, April, and May 1930» which has been deposited in the Archive of the President of the Republic of Kazakhstan

(APRK). The document refers to the middle of 1930 and directly relates to the events that took place in the Kustanai and Kyzylorda districts of Kazakhstan - the armed uprisings of the Kazakh sharua (peasants) against the policy of agricultural campaigns and forced collectivization. The goals and objectives of the study include, first of all, understanding the significance of the source chosen by the author for enriching ideas about the processes and phenomena that took place in Soviet Kazakhstan in the late 1920s and early 1930s. In addition, the conditions for generating the «Report ...» are identified, which characterizes the cause-and-effect relationships of the emergence and development of armed uprisings on the territory of the Kustanai and Kyzyl-Orda districts. The source materials demonstrate the level of knowledge of its authors about the background of the events and their orientation allowing a comprehensive and objective assessment and determination of the activities of specific units and subdivisions of the Red Army, divisions of the VOGPU, their place and role in suppressing armed uprisings on the territory of the Kustanai and Kyzyl-Orda districts.

Keywords: historical source; the Red Army; armed uprisings; military operations.

References

Aldazhumanov K.S. Krest'yanskoye dvizheniye soprotivleniya. Deportirovannyye v Kazakhstan narody: vremya i sud'by [Peasant resistance movement, in Peoples, deported to Kazakhstan: time and fate]. Almaty, «Arys». 1998. P.66-92, [in Russian].

Allaniyazov T.K., Taukenov A.S. Poslednij rubezh zashchitnikov nomadizma. Istoriia vooruzhennykh vystuplenij i povstancheskich dvizhenij v Kazakhstane (1929-1931 gg.) [The last frontier of the defenders of nomadism. The history of armed demonstrations and insurgent movements in Kazakhstan (1929-1931)]. Almaty, «OST – the XXI century», 2009. P. 288-308, [in Russian].

Omarbekov T. Zobalan [Zobalan], (Almaty, Sanat, 1994, 270 p.), [in Kazakh].

Сведения об авторе:

Алланиязов Турганбек Кайтназарович – кандидат исторических наук, профессор Жезказганского университета, Жезказган, Казахстан.

Allaniyazov Turganbek Kaipnazarovich – Candidate of Historical Sciences, Professor of Zhezkazgan University, Zhezkazgan, Kazakhstan.